

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА
о диссертации Эльзары Ридвановны Асановой «Жанровая специфика
произведений Даниэла Силвы о Габриэле Аллоне» (Симферополь, 2020),
представленной на соискание учёной степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература
стран Западной Европы и Северной Америки)

Актуальность представленной диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук не подвергается сомнению. С одной стороны, эпоха технологической воспроизводимости (В. Беньямин) произведения искусства и последовавшее за ним «состояние постмодерна» (Лиотар), привлекает внимание исследователей к изучению формульной, популярной и массовой литературы; с другой стороны, уже и сами авторы несколько устали от видимой жёсткости и нерушимости жанровых стандартов и канонов (достаточно вспомнить, что в интервью по поводу выхода своего нового романа Кадзуо Исигуро несколько лет назад иронично воскликнул: ««Я даже не думал о «Погребённом великане» как о фэнтези – я просто хотел, чтобы там были огры!»). Жанровые границы в литературе последних нескольких десятилетий перестают быть непроницаемыми, а авторы всё активнее интегрируют в рамках одного произведения очень разные жанровые традиции. Произведения Д. Силвы, как убедительно демонстрирует докторантка, отлично вписываются в данную тенденцию, что позволяет говорить в первую очередь о жанровых доминантах, формирующих определённый формульный канон, и не заострять внимание на жёстких и непроницаемых жанровых структурах. С этим же связана и **научная новизна** исследования: произведения Д. Силвы не только не становились предметом тщательного монографического исследования в отечественном литературоведении, но и разработка тем, связанных со спецификой отечественного и зарубежного шпионского романа, его жанровых модификаций, всё ещё требует специального исследовательского внимания.

Исследование Э.Р. Асановой обладает несомненной **практической значимостью**, предлагая готовый аналитический аппарат, который может быть

использован при анализе не только специфики шпионского романа в творчестве других (отечественных и зарубежных) авторов, но и формульной и массовой литературы в целом. Поставленная **цель** и обусловленные ею **задачи** решены, а положения, выносимые на защиту, не вызывают принципиальных возражений.

Достоверность и обоснованность выводов обеспечивается за счёт грамотно выбранной и обоснованной методологической базы, которая позволяет приблизиться к ответу на те вопросы, которые поставлены во введении к работе и её первых главах. **Теоретическая** значимость исследования, связанная с разработкой проблем изучения формульной и массовой литературы, также не вызывает вопросов.

К безусловным достоинствам диссертации можно отнести не только глубокое погружение в анализируемый материал (специфика выбранного ракурса исследования потребовала от диссидентки обращения преимущественно к оригинальным текстам романов, и задействовать переводы лишь там, где разница между переводом и первоисточником не является существенной), но и введение в контекст отечественного литературоведения непереведённых работ о специфике шпионского романа в целом и романов Д. Силвы в частности.

Вместе с тем, в процессе чтения работы неизбежно возникло ряд дискуссионных вопросов и комментариев, позицию по которым автора исследования нам хотелось бы прояснить.

В первом параграфе первой главы даётся краткий генезис шпионского романа в европейской и североамериканской литературе, его становление от литературы романтизма до второй половины XX века, отдельное внимание уделяется традициям Джона Ле Карре, Лена Дейтона и др. Не остаётся без внимания исследовательницы и советский канон литературы о шпионах и шпионаже. Одно из важных наблюдений здесь – появление в британском шпионском романе периода «холодной войны» повторяющихся персонажей. Однако этот тезис остаётся не откомментированным, не развёрнутым более

подробно. Несколько остаются как сами причины формирования указанного феномена, так и трансформация жанрового канона, неизбежная в таком контексте. Здесь же возникает ещё один вопрос – о влиянии на становление жанрового канона шпионского романа второй половины XX века не только других литературных жанров, но произведений принципиально иной медиальной природы: принадлежащих к сферам кинематографа, комикса (в том числе комиксам о супергероях), телевидения и т.д.

Во втором параграфе первой главы исследовательница даёт краткий обзор существующих литературоведческих работ, посвящённых теме исследования шпионского романа. Внимание Э.Р. Асановой привлекают ключевые для данного исследовательского поля работы Дэвида Сида, Томаса Прайса, Сэма Гудмена, диссертационные работы Пола С. Линча, Мэтью А. Беллами и др. Не упускаются из вида и работы, посвящённые анализу шпионской темы за пределами литературы – главным образом в кинематографе. Здесь обобщается и систематизируется большой материал, в том числе работы, не представленные на русском языке и редко привлекаемые к исследованиям отечественных литературоведов. Безусловным достоинством этой части работы является не только её систематичность, но и умение исследовательницы критически рассматривать работы предшественников, находить в них противоречивые и непоследовательные позиции, которые в свою очередь могут становиться исходными точками новых исследовательских проектов.

Третий параграф первой главы посвящён разговору о жанровой специфике и каноне шпионской литературы. Совершенно справедливо особое внимание здесь уделяется разговору о главе в книге Умберто Эко «Роль читателя», посвящённой нарративным структурам в романах Иэна Флеминга о Джеймсе Бонде. Конечно, данная работа не лишена определённых недостатков структуралистского подхода к анализу литературы, однако её ценность и важность при разговоре о специфике шпионских нарративов трудно переоценить. В то же время в контексте исследования самой Э.Р. Асановой

романов Д. Силвы о Габриэле Аллоне представляется любопытным сравнение этой работы У. Эко с его же работой, посвящённой анализу образа Супермена («Миф о Супермене», включена в ту же книгу итальянского исследователя, что и работа о Джеймсе Бонде).

Вторая глава «Методологические подходы к исследованию произведений Дэниела Силвы о Габриэле Аллоне» ставит ряд дальнейших, главным образом методологических, вопросов, требующих ответа, предваряющего дальнейший разговор о романах американского писателя. Однако здесь возникает ряд весьма спорных, хотя и полемических утверждений. В частности, преждевременным и слабо аргументированным кажется тезис о том, что в начале XXI века мы наблюдаем изменение постмодернистской парадигмы и её трансформацию в принципиально новую культурную логику. Конечно, полемика по этому вопросу была и остаётся одной из самых жарких среди исследователей современной литературы и культуры, и данный отзыв не является подходящей площадкой для её продолжения. Сошлёмся здесь лишь на предисловие Александра Павлова к первому русскоязычному изданию фундаментального труда Фредерика Джеймисона «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма», где аргументировано и убедительно демонстрируется преждевременность разговора о «смерти постмодернизма» (Л. Хатчеон), а также эпистемологическая непоследовательность многих альтернативных постмодернизму эвристических инструментов. Данное наблюдение, однако, не отменяет нашего согласия с одним из основных тезисов, озвучиваемых в данной части исследования, – с тезисом об усилившейся в первое десятилетие XXI века потребности массового читателя и зрителя в таком типе героя, который способен брать ответственность в условиях, когда традиционные институты социальной, политической и иной гражданской регуляции перестают работать. Если деконструкция подобного типа героя в нарративах раннего постмодернизма (в том числе в комиксах и графических романах 1980-х и начала 1990-х гг. у Алана Мура, Фрэнка Миллера и Джона Аркуди) была во

многом обусловлена окончательным преодолением модернистской субъектности, то возвращение к супергероическим нарративам (не только в кинематографе и комиксах, но и в массовой и популярной литературе 2000-х и начала 2010-х) обусловлено не столько отказом от постмодернистской структуры чувственности, сколько её трансформацией в процессе перехода от позднего капитализма к глобальному капитализму. В этом смысле появление в творчестве Д. Силвы подобного типа героя вполне вписывается в динамику культурных процессов, происходящих в начале XXI века, на что справедливо указывает Э.Р. Асанова.

Тем не менее, несмотря на привлечение соответствующего теоретического и методологического инструментария, здесь возникает ряд проблемных и сложных ситуаций. Так, непрояснённым остаётся вопрос о соотношении художественного мира шпионского романа и реальной (физической) действительности, который следует рассмотреть через призму нарратологической теории. С одной стороны, – приняв во внимание тезис В. Шмида о принципиальной функциональности художественной литературы, – а с другой, – учитывая высокую степень зависимости художественного мира шпионского романа от реальной (исторической) действительности, возникающей в результате насыщения текста референтными знаками, выступающими в качестве функциональных двойников (как на персонажном, так и на событийном уровнях), – перспективным представляется рассмотрение исследуемого Э.Р. Асановой жанра с точки зрения порождаемых в таких условиях рецептивных эффектов и связанных с ними практик чтения. Конечно, подобное исследование будет невозможно без привлечения дополнительного инструментария (как минимум социологического и когнитивного), однако подобная междисциплинарность позволила бы приблизиться и к ответу на один из основных вопросов, связанных с исследованием формульной и популярной литературы: формализуемы ли те текстуальные признаки, которые способствуют популярности того или иного текста среди массового (и не

только) читателя? Этот же ракурс позволяет поставить ещё один, – может быть, несколько более литературоведческий, – вопрос: о связи шпионского романа с жанровым каноном исторического романа. В этом смысле наблюдение Э.Р. Асановой о том, что Д. Силва «обращается к таким реальным событиям, которые хронологически близки историческому настоящему, то есть той реальной действительности, в которой находится сам эмпирический автор и его адресат-читатель» (с. 68) требует дополнительного комментария и разбора с учётом специфики трансформации исторического романа в эпоху постмодерна (см. соответствующую статью Перри Андерсона – «Исторический роман: от прогресса к катастрофе» – о судьбах исторического романа в эпоху постмодерна, опубликованную на русском языке в переиздании классической работы Г. Лукacha «Исторический роман» (М.: Common Place, 2014), а также наблюдения Ф. Джеймисона об историческом романе Э. Л. Доктороу, в том числе в уже упомянутой работе «Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма»). В этом же контексте любопытно было бы проследить трансформацию того типа протагониста шпионского романа, которая обусловлена в том числе сменой культурных логик (от модерна к постмодерну; от капитализма к позднему капитализму и глобальному капитализму; и т.д.).

Учитывая выбранный ракурс исследования, связанный с анализом коммуникативно-повествовательных стратегий в произведениях Д. Сильвы, несколько странным кажется отказ от привлечения к исследованию нарратологического инструментария, подробно разработанного В. Шмидом (и обобщённого им в его фундаментальной работе «Нарратология»), несмотря на то, что работа немецкого нарратолога присутствует в библиографии к исследованию, а другие нарратологические концепции (в частности Б. Успенского и Б. Кормана) активно задействуются при обсуждении методологической базы исследования. Безусловно, автор диссертационного исследования вправе сам определять тот литературоведческий аппарат, который будет использоваться при анализе, однако, представляется, что

привлечение методологических и теоретических разработок В. Шмида только обогатило бы и без того основательный инструментарий диссертационной работы.

Наиболее существенным вкладом в разработку историко-литературных проблем представляется третья глава диссертации Э.Р. Асановой, где исследовательница осуществляет тщательный анализ произведений рассматриваемого ей автора. Делая акцент на анализе событийной структуры романов Д. Силвы, а также на неразрешимости сюжетных ситуаций, изображаемых в произведениях американского писателя, диссидентка подробно разбирает и те приёмы, к которым прибегает Д. Силва для создания напряжения и при разворачивании сюжета в пространстве романа: введение в повествование внесюжетных ситуаций, ретардация, пропуск действий и т.д. Однако именно в этом контексте нам представляется наиболее уместным определить соответствие повествовательной структуры романов Д. Силвы критериям событийности, выдвинутым В. Шмидом в «Нarrатологии».

Во втором параграфе третьей главы диссидентка анализирует стратегии «авторского сознания» в романах Д. Силвы. При общей релевантности предложенного анализа возникает вопрос об уместности использования термина «авторское сознание» в контексте рассматриваемого исследования. В традиции американской Новой Критики исследование «авторского сознания», авторских намерений и интенций не просто ставится под вопрос, а отвергается в силу их неформализуемости и сложности разговора об авторских намерениях. Хотя эта точка зрения не является в настоящее время окончательно устоявшейся и не требующей дополнительного комментария, было бы интересным увидеть дискуссию вокруг этой позиции и понять отношение диссидентки к указанной проблеме. В том числе понять причины, по которым диссидентка отказывается от использования других нарратологических категорий, более формализуемых, таких как «абстрактный автор», «автор-нarrатор» и т.д. Характеристика нарратора в романах Д. Силвы по критериям В. Шмida (способ выражения,

диегетичность, степень обрамления, степень выявленности, личностность, антропоморфность, гомогенность, выражение оценки, информированность, пространство, интроспекция, профессиональность, надёжность) позволила бы не только лучше выявить жанрово-повествовательные доминанты, характерные для романов американского писателя, но и по-новому поставить вопрос о функциональной нагруженности тех паратекстуальных элементов, которые становятся предметом рассмотрения в данном разделе диссертационного исследования. Не лишней была бы и попытка сопоставления этих элементов текста с паратекстуальными элементами в произведениях других авторов принадлежащих к формульной и массовой литературе. Представляется, что наличие таких структурных элементов как посвящение, а также определённая структура заголовка, использование интертекстуальных элементов (прежде всего цитат), является общим местом для современной литературы такого рода и мало что говорит в контексте анализа жанровой и повествовательной природы рассматриваемых текстов. Несколько более подробного комментария здесь требует и характеристизация повествователя как находящегося «на границе эстетической и внетекстовой реальности» (с. 137). Повествующее «я» (нarrатор) всегда принадлежит художественной реальности текста и является частью события рассказывания, поэтому размещение его на границе между физической (внетекстовой) реальностью и художественным миром произведения представляется проблемным и вряд ли оправданным.

Третий параграф третьей главы посвящён анализу фигуры протагониста романной серии Д. Силвы о Габриэле Аллоне. Наблюдения, представленные здесь, заслуживают отдельного разговора и формируют оригинальный взгляд исследовательницы на поставленную проблему. Анализ мифологических, культурных и других интертекстуальных элементов, формирующих образ протагониста романной серии, убедителен и репрезентативен. Тем не менее, кажется, что исследование выиграло бы от дополнительного обсуждения специфики «серийного» нарратива и формирования образа героя-

протагониста в контексте повествования, которое строится в рамках не одного романа, а посредством нескольких, сюжетно не связанных между собой текстов; любопытным кажется и возможность сопоставления Габриэля Аллона с протагонистами других шпионских романов предшествующей традиции (например, у И. Флеминга и Дж. ле Карре) или с протагонистами в текстах современников Д. Силвы (например, любопытно было бы сопоставить образ Аллона с образом норвежского полицейского-детектива Харри Холе в серии романов Ю Несбё; хотя герой Несбё принадлежит к иной, хотя и смежной, жанровой традиции, контрастность образов Холе и Аллона могла бы позволить сделать ряд выводов, касающихся и разницы европейского и североамериканского мироощущения в начале нового тысячелетия).

Наконец, четвёртый параграф третьей главы посвящён анализу системы персонажей в романной серии Д. Силвы. Разработка этой проблемы в контексте работы рецептивных механизмов, как и разговор о влиянии персонажной системы на формирование и экспликацию смысла произведения, позволяет исследовательнице в полной мере продемонстрировать владение аналитическим аппаратом науки о литературе и ещё раз подтвердить те наблюдения, которые были сделаны в предыдущих разделах исследования.

Возникающие при чтении диссертации Э.Р. Асановой вопросы и комментарии свидетельствуют о проблемности и дискуссионности темы, выбранной докторанткой, а высказанные замечания и пожелания носят рекомендательный характер и не влияют на общее положительное впечатление, производимое кандидатской диссертацией. Э.Р. Асанова не только продемонстрировала владение теоретическими, методологическими и аналитическими инструментами, но и проявила себя в качестве независимо мыслящего исследователя. Практическая значимость проведённого исследования, а также вклад, вносимый диссертационной работой, в исследования формульной, популярной и массовой литературы, не могут быть подвергнуты сомнению.

Автореферат и опубликованные работы в полной мере отражают основное содержание диссертации.

Диссертация Э.Р. Асановой представляет собой квалификационную работу, которая соответствует критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней, утверждённым Постановлением Правительства Российской Федерации о порядке присуждения учёных степеней от 24 сентября 2013 г. №842, а её автор заслуживает присуждения учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья (литература стран Западной Европы и Северной Америки).

Официальный оппонент – Колесников Александр Юрьевич, кандидат филологических наук (специальность 10.01.03 – Литература народов стран зарубежья), доцент кафедры зарубежной литературы института филологии и журналистики ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»; 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; (831) 433-82-45; alik.kolesnikoff@yandex.ru

11 мая 2021 г.

А.Ю. Колесников

